

И волосы, все в кольца завитые,
Блестят на солнце, словно золотые;
Глаза – лимонно-желты, нос – высок,
Округлы губы, свеж румянец щек.
Слегка веснушки лик его пестрят,
Как исчерна-шафранных пятен ряд.
Взор, как у льва свирепого, горит;
Лет двадцать пять царю ты дашь на вид.
Уж в бороде его густеет волос,
Как трубный грохот, громыхает голос,
Венок лавровый вокруг его главы
Пленяет свежей зеленью листвы.
А на деснице держит он для лова
Орла лилейно-белого ручного.
Сто рыцарей владыке служат свитой;
Все – в латах, но с главою непокрытой.
Все пышностью похвастаться могли:
Ведь графы, герцоги и короли
Сошлись, чтоб защищать любовь и честь
И рыцарство на высоту вознесть.
Ручные львы и барсы там и тут
Во множестве вслед за царем бегут.
Так весь синклит владетельных господ
В воскресный день сошелся у ворот
И на заре вступает в город сей.
Достойный герцог и герой Тезей,
Введя их всех в свой стольный град Афины
И посадивши каждого по чину,
Всех угощал и не жалел хлопот,
Чтоб всем достойный оказать почет.
И было мненье общее гостей,
Что мир не знал хозяина щедрей.
О музыке, об услуженье в залах,
О всех подарках для больших и малых,
О пышности Тезеевых хором,
О том, как разместились за столом,
Какая дама всех красой затмила
Иль пеньем, пляской, или говорила
Про жар любви чувствительнее всех,
И сколько было соколиных вех,
И сколько псов лежало под столом, –
Ни слова вам я не скажу о том.
Я к самой сути перейти спешу
И вашего внимания прошу.
Под воскресенье ночью Паламон
Услышал ранний жаворонка звон;
Хоть до зари еще был час-другой,
Но жаворонок пел, и наш герой
С благоговеньем в сердце, духом бодр,
Для богомолия покинув одр,
Пошел к богине, что царит в Кифере,
Сказать иначе, к благостной Венере.
В час, посвященный ей, герой пошел
К арене, где стоял ее престол,
И, в скорби сердца ставши на колени,